

И. А. СВАНИДЗЕ

ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ И ОБЩЕСТВЕ У НАРОДА ТОНГА ПРИ КОЛОНИАЛЬНОМ РЕЖИМЕ

Тонга — африканский земледельческий народ в Северной Родезии. За полвека колониального режима в сельскохозяйственном производстве и аграрных отношениях у этого народа произошли разительные изменения, отражающие закономерности развития капитализма в аграрных странах и политику колонизаторов, которые всеми силами пытаются продлить свое господство. Процессы в хозяйстве и обществе тонга привлекают внимание колониальной администрации и буржуазных ученых. В 1944—1945 гг. детальное обследование в стране тонга провела специальная земельная комиссия. В 1948—1953 гг. полевые исследования проводила здесь Э. Кольсон, сотрудник «Института Родса — Ливингстона». Результаты этих обследований и некоторая позднейшая информация дают материал по интересующим нас процессам¹.

* * *

Страна тонга примерно совпадает с дистриктом Мазабука, площадь которого 19,4 тыс. км². Рассекая дистрикт, с юга на север проходит Северо-Родезийская железная дорога. Вдоль нее сплошным массивом тянутся земли, отчужденные у коренного населения и предназначенные для европейской колонизации. Их площадь — 7 тыс. км² (37% территории дистрикта). Тонга загнаны в четыре резервата, за пределами которых им не разрешается держать землю². На севере дистрикт захватывает долину р. Кафуэ, на юго-востоке — скат к долине Замбези; основную же часть дистрикта занимает плато, лежащее на 900 м выше уровня моря³.

По природным условиям страна тонга — один из наиболее удобных для зернового земледелия районов Британской Центральной Африки, входящий в ее «кукурузный пояс». Но развитие сельского хозяйства страдает здесь от нерационального распределения земель, отсталости земледелия и хищнической эксплуатации природных ресурсов. Лучшие земли выделены под фермы колонистов или в фонд для колонизации,

¹ W. Allan, M. Gluckman, D. Peters, C. Trapnell, *Land Holding and Land Usage among the Plateau Tonga of Mazabuka District. A Reconnaissance Survey 1945*, London, 1948 (в дальнейшем — «Land Holding»); E. Colson, *Marriage and Family among the Plateau Tonga of Northern Rhodesia*, Manchester, 1958 (в дальнейшем — «Marriage and Family»); E. Colson, *Modern Political Organization of the Plateau Tonga*, «African Studies», 1948, июнь — сентябрь, стр. 85—98 (в дальнейшем — «Political Organization»); C. White, *A Survey of African Land Tenure in Northern Rhodesia*, «Journal of African Administration», 1959, октябрь, стр. 171—178; 1960, январь, стр. 3—10.

² «Marriage and Family», стр. 5—6.

³ M. Jaspán, *The Ila-Tonga Peoples of North-Western Rhodesia*, London, 1953, стр. 43—44 (в дальнейшем — «The Ila-Tonga Peoples»).

в то время как в резерватах остро стоят проблемы перенаселения, земельного голода и эрозии почвы. Тяжелым является положение с водными ресурсами. Единственной постоянной рекой остается Кафуэ: остальные еще на памяти нынешнего поколения превратились во временные потоки, текущие лишь в период дождей. Используя обильные грунтовые воды, белые фермеры дистрикта Мазабука создали у себя мощную систему искусственного орошения. В резерватах сооружение колодцев доступно лишь богатым крестьянам. Лишь в 1940-е годы колониальные власти начали осуществлять здесь ограниченную программу мелиоративных работ⁴. Практически недоступные для рядового крестьянина-тонга земли составляют $\frac{2}{3}$ площади резерватов: основная часть их — безводные и эродированные земли⁵.

Численность тонга оценивалась в 1945 г. в 114,5 тыс. чел., в 1954 г. — 164,8 тыс. чел. (вместе с небольшим народом ве). Плотность населения в резерватах (с учетом «неудобных» земель)⁶ — 23 чел. на 1 км², а местами доходит до 60 чел. на 1 км². Перенаселение острее всего ощущается в районах, ближайших к железной дороге, куда были согнаны африканцы из районов, отведенных для европейцев. Неафриканское население дистрикта (2 тыс. в 1954 г.) сосредоточено на фермах и станциях у линии железной дороги⁷.

* *
*

В начале XIX в. тонга жили небольшими автономными деревнями, занимались земледелием и владели довольно значительным поголовьем скота. В отличие от соседних народов, они имели более развитую экономику, но не обладали централизованной племенной организацией, что делало их уязвимыми в военном отношении. С 1820 г. и почти до конца века тонга подвергались систематическим нападениям: сначала — со стороны макололо, затем — баротсе и матабеле и, наконец, работорговцев⁸. Посетивший тонга в середине XIX в. Д. Ливингстон описал их как забитый и немногочисленный народ, под влиянием набегов соседей регрессирующий в экономическом и социальном отношении⁹. В конце века часть тонга платила дань баротсе. Английская колонизация, которую буржуазные авторы рисуют как «благодетельное» для тонга, не встретила у них серьезного сопротивления. В качестве юридического основания» права хозяйничать в стране тонга колонизаторы обычно ссылаются на концессии, вырванные в свое время Британской компанией Южной Африки, у князя Баротселенда, хотя, как известно, тонга никогда не входили в государство баротсе¹⁰. В 1898—1909 гг. этот князь подписал ряд концессий, которыми он, вырывая льготы для себя и других феодалов, отдавал Компании земли ранее «подвластных» ему народов. В 1899 г. указ английского правительства предоставил Компании власть над всей нынешней Северо-западной Родезией. Началом правления Компании в стране тонга считается 1903 г. Немедленно последовало введение денежного налога на тонга с целью заставить их идти на заработки на рудники и фермы

⁴ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 33—53; «Marriage and Family», стр. 1—4; «Land Holding», стр. 25, 30—31.

⁵ Вычислено по данным: «Marriage and Family», стр. 6—7; «Human Problems in British Central Africa», 1947, XI, стр. 10—11.

⁶ «Land Holding», стр. 25—26, 82, 113, 139—141; «The Tribes of Northern Rhodesia», Lusaka, 1954, стр. 124—125.

⁷ «Marriage and Family», стр. 5—6.

⁸ «The Tribes of Northern Rhodesia», стр. 53.

⁹ «Land Holding», стр. 60.

¹⁰ «Political Organization», стр. 86, 91—92.

европейцев. В 1923 г. управление страной тонга, как и всей Северно Родезией, перешло непосредственно к английской короне¹¹.

Общественный строй тонга накануне колонизации можно определить как разлагающийся первобытно-общинный с сильными пережитками матриархата и зарождающимися элементами феодализма. Тонга, в отличие от баротсе, матабеле, бечуана, не осознавали себя единым народом, не имели верховных вождей. Страна их не делилась на устойчивые округа с вождями во главе. Английские африканисты, в частности М. Глукман, вообще отрицают, что у тонга были вожди «в общепринятом смысле слова»¹².

Народ тонга включал 14 матрилинейных «племен»¹³, рассеянных по стране. Люди «племен» придерживались принципа экзогамии и оказывали друг другу известную взаимопомощь. Гораздо большую роль в жизни тонга играл материнский род («башимукова»). Род объединял 20—30 взрослых родственников по женской линии, живший в одной местности. Он платил компенсацию за преступления своих членов и требовал компенсации, если кому-либо из них наносился ущерб. Семья уже стала определенной экономической единицей, однако при данном уровне развития производительных сил еще не могла обойтись без помощи рода. Родичей связывали отношения тесной взаимопомощи: родичу нельзя было отказать в пище, участке земли, помощи трудом, если для этого была возможность. Со смертью крестьянина — главы семьи род выбирал (обычно из своей среды) наследника имущества; в таком же порядке наследовались и «должности» (например, деревенских старшин, жрецов), а иногда и жены. Часть унаследованного скота, орудий, запасов наследник делил между членами рода¹⁴. Как «племя», так и род без особых трудностей принимали в свою среду чужеземцев и даже рабов. Рабство, впрочем, не получило у тонга распространения и носило патриархальный характер¹⁵. Семья тонга кроме мужа, жены и детей обычно включала еще несколько родственников. Брак был сравнительно легко расторгим по желанию одной из сторон. Мужчина часто шел жить в деревню жены. Многоженство встречалось нередко, особенно среди старшин. Поля и амбары семьи делились на принадлежащие мужу и жене: мужу принадлежала большая часть. Труд мужчины в семье играл основную роль¹⁶.

Деревня представляла собой соседскую общину. Это обычно была тяготеющая к водоему или источнику группа в 10—20 домов с населением не более 100 чел., с одним или несколькими загонами для скота. Дом служил жилищем семье, чаще — части семьи. Любая группа домов могла беспрепятственно выделиться в особую деревню. Ядром деревни была семья старшины. Большинство селян состояло в действительной или «племенном» родстве со старшиной и друг с другом. Многообразные узы родства связывали соседние деревни, и это отчасти возмещало отсутствие общеплеменной организации¹⁷. В области аграрных отношений наблюдалось зарождение элементов частного землевладения, насколько это было возможно при переложном земледелии и наличии большого фонда незанятых земель. Выбирая место под поселение, крестьянин мог присоединиться к любой деревне, где были люди, готовые его принять. Как правило, он выбирал в районе своей деревни участок земли нужной

¹¹ W. M. Hailey, *An African Survey*. Revised 1956, London, 1957, стр. 705—70 «Marriage and Family», стр. 7—10, 16; L. N. Gann, *The Birth of a Plural Society*, Manchester, 1958, стр. 134—135, 213—225.

¹² «Land Holding», стр. 60.

¹³ В английской этнографической литературе они именуются кланами.

¹⁴ «Political Organization», стр. 85—88; «The Ila-Tonga Peoples», стр. 51—52, 5 «Land Holding», стр. 148—151.

¹⁵ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 55.

¹⁶ Там же стр. 48; «Land Holding», стр. 14, 105, 106.

¹⁷ «Land Holding», стр. 35, 47—48, 51—52, 71—72.

размера, на который никто не претендовал, и приступал к его обработке: для этого не требовалось ничьей санкции. Иногда земля передавалась в виде дара, редко — наследовалась. Пока крестьянин обрабатывал землю, никто не был вправе согнать его с участка. На землю, которую он обрабатывал ранее или намеревался обрабатывать, он также сохранял права ряд лет. Неоспоримыми считались права семей на участки, ранее находившиеся под их жилищами и «краалями» и отличавшиеся особым плодородием. Не подлежали отчуждению «священные» участки и выделенные общинные пастбища¹⁸. В огромном большинстве тонга вели одинаковый образ жизни и пользовались одними и теми же благами. Но признаки имущественной дифференциации были уже налицо. Семьи различались по «силе» и связям, по количеству скота и орудий, по размерам участков, которые они были в состоянии поднять и обработать. Начинала выделяться знать.

У тонга были жрецы. Группа соседних деревень часто имела общую «святыню», где накануне сезона дождей собирался народ, а жрецы молились духам предков о ниспослании хорошего сельскохозяйственного года. Возникали «религиозные округа», которые не были, однако, устойчивыми образованиями. Светская власть жрецов была незначительна. Наиболее известный «жрец дождя» — Монзе не имел власти даже в собственной деревне¹⁹.

Над массой крестьян и деревенских старшин выделялись «первые поселенцы» («уланьика») — люди, пришедшие первыми в ненаселенные районы и основавшие там свои деревни. Пришедшие жить позднее спрашивали согласия уланьика и его преемников на занятие земли. Впрочем, реальное влияние уланьика зависело от его личных качеств и не простиралось обычно за пределы нескольких соседних деревень²⁰. Старшина деревни был зажиточнее и влиятельнее других селян, но и у него не было иной власти, кроме авторитета; ему было не к кому апеллировать, кроме самой общины. Землей деревни он, как правило, не распоряжался. Однако отдельным старшинам, «первым поселенцам», а возможно, и жрецам время от времени удавалось подчинить своему влиянию более обширный район и даже узурпировать власть над землями соседних деревень. Такие влиятельные личности назывались «индуна». В начале нашего века индуна Сиамакома регулярно отчуждал землю пришельцам и целым деревням в районе Нтеме. Даже назначенный колонизаторами вождь округа Чонго оказался слабее индуна и сам был вынужден просить у него землю²¹.

Такая структура общества сохранилась во многих чертах до настоящего времени. Происшедшие в ней изменения явились результатом частичной реформ колонизаторов, частично — не зависящих от их воли процессов. Мы затронем только изменения первого рода.

Чтобы властвовать над страной, где огромное большинство составляло коренное население, колонизаторам требовалась опора из среды последнего. Придя в страну тонга, колонизаторы стали подбирать из старшин, первых поселенцев, жрецов и индуна людей, которых можно было наделить функциями вождей-администраторов. До 1919 г. страна тонга делилась на 116 округов во главе с такими вождями. Деревня была превращена в низшую административную единицу, старшина — непосредственного исполнителя воли колонизаторов. Было запрещено создавать деревни, где было бы меньше 10 мужчин-налогоплательщиков; мелкие деревни насильственно сливались. В 1919 г. округа

¹⁸ Там же, стр. 46—48, 92—95, 98—101; «Journal of African Administration», 1959, сентябрь, стр. 171—178.

¹⁹ «Political Organization», стр. 90; «Land Holding», стр. 60.

²⁰ «Political Organization», стр. 89—90.

²¹ «Land Holding», стр. 54, 94, 109—110.

вождей были укрупнены: ныне их четырнадцать. Жрец Монзе был объявлен «верховным вождем тонга»²². В 1930 г. «Указ о туземных властях» окончательно утвердил новый статут старшин и вождей тонга. Старшина должен был санкционировать занятие любого участка земли в деревне, отвечать за выполнение приказов колонизаторов, докладывать им обо всех изменениях в деревне. Вождь отвечал за все, что делалось в «его» округе, контролировал перемещение деревень, отводил им земли. Вместе с советниками вождь входил в «суд туземной власти» и получал право разбирать гражданские и мелкие уголовные дела. Четыре раза в год вожди созывались на собрание, именовавшееся «туземной властью плато Тонга». Собрание заслушивало инструктаж комиссара дистрикта и принимало «решения» по его указке. В 1937 г. колонизаторы учредили «казну туземной власти тонга», доходы которой складываются из дополнительных налогов и штрафов. В 1943 г. из 3,5 тыс. фунтов стерлингов годового дохода «казны» 70^с было истрачено на жалование «туземным властям», остальное — на финансирование аграрных мероприятий колонизаторов²³.

«Туземные власти» — марионетки в руках чиновников-европейцев, которые могут отменять любое их решение и проводить через их голову свое, смещать любых должностных лиц из этой системы, являющейся злой пародией на самоуправление. По свидетельству всех источников, авторитет «туземных властей» у тонга ниже, чем у любого народа в Британской Центральной Африке. В специальной статье, где обсуждается вопрос о слабости «туземных властей» тонга, Э. Кольсон признает, что эти «власти» не могли бы продержаться ни минуты, если бы за ними не стояли колонизаторы, и что даже в этих условиях вожди тонга не могут использовать даже малую долю своих формальных полномочий²⁴.

Отношение тонга ко всему, что исходит от колонизаторов, проникнуто неприязнью и недоверием. Неизгладимый след в душе народа оставило, в частности, земельное ограбление. Комиссия 1945 г. отмечала, что многие тонга боятся вводить у себя улучшенные системы земледелия, чтобы не показать европейцам максимума того, что могут дать их земли. Некоторые вожди отказывались приобретать у департамента сельского хозяйства племенных быков, опасаясь, что через несколько лет европейцы отберут у населения весь скот²⁵.

* *
*

Пришедшие в страну тонга европейцы застали здесь прогрессивную разновидность переложной системы земледелия, которую они называли «системой подбора почв». Приступая к обработке целины или залежи, крестьянская семья тщательно подбирала участки под каждую культуру или сочетание культур. Деревья на участке вырубали, их ветви обрезали, стволы и ветви складывали пирамидами вокруг пней и сжигали. Золу разбрасывали по участку, который затем взрыхляли мотыгами. В первый год участок засаживали арахисом, или земляными бобами, в последующие годы — сорго, главной продовольственной культурой. Когда главное поле показывало признаки истощения, осваивали соседние участки. Дополнительные культуры — просо, кукуруза, коровий горох, земляные бобы, арахис, бататы подсаживали к сорго либо отводили под них особые участки. На месте старых краалей выращивали табак. Сев зерновых производился в начале дождливой

²² Там же, стр. 34—35, 49—50, 58, 64, 88; «Political Organization», стр. 93; «Marriage and Family», стр. 10—13.

²³ «Political Organization», стр. 85—99; «Land Holding», стр. 34, 39—40, 65—66.

²⁴ «Political Organization», стр. 85—89.

²⁵ «Land Holding», стр. 4, 67—69.

сезона — в декабре, сев бобовых и табака — ближе к концу дождливого сезона, в феврале, уборка всех культур — в июле — августе²⁶. Периоды обработки, залежи и промежуточных паров варьировались в зависимости от местности. Худшие почвы обрабатывались под зерновые три года подряд, отдыхали один — три года, вторично обрабатывались один-два года, после чего обращались в залежь на 20 лет. Средние и лучшие почвы обрабатывались 5—15 лет подряд с небольшими перерывами; период залежи равнялся для средних почв двум периодам обработки, для лучших — одному периоду. Деревня переводилась на новое место в среднем каждые 6—9 лет²⁷. Таким образом, средствами восстановления плодородия почвы служили посев и посадка бобовых и клубневых культур, выпас скота на полях после уборки урожая, но в основном — обращение пашен в залежь. Орудием обработки земли служила железная мотыга; сами тонга железа не вылавляли, а выменивали мотыги, топоры и копыя у соседей-баротсе²⁸.

Животноводство уступало по значению земледелию. Тонга держали коров, коз и домашнюю птицу — кур и голубей. Пока посевы были на полях, скот пасся под присмотром мальчиков-пастухов на целинных и залежных землях и общинных пастбищах. В сухой сезон дополнительным кормом для скота служила солома, оставшаяся на полях после уборки. Из районов, бедных водными ресурсами, скот в сухой сезон отгонялся в долину Кафуэ. Дополнительными источниками средств к существованию служили охота, рыбная ловля и сбор диких плодов и меда. На реках устраивали запруды из жердей и веток для ловли рыбы: вместо сетей туда закладывали большие плетеные корзины. В прудах рыбу ловили корзинами и острогами.

Материальная культура тонга, несмотря на относительно высокий уровень земледелия, была довольно бедна. Ремесло только начинало отделяться от земледелия, меновая торговля была в зачаточном состоянии. Почти в каждой семье изготавливались посуда, сиденья, курительные трубки. Наряду с мотыгами, скотом, табаком и медом эти изделия служили почти единственными предметами обмена внутри страны. Жители районов, где не было рек, выменивали на различные продукты рыбу у жителей долины Кафуэ²⁹.

* *

*

В 1904—1906 гг. через страну тонга была проведена железная дорога, за чем последовало массовое отчуждение лучших сельскохозяйственных земель в зоне дороги под фермы колонистов. Большой приток фермеров-колонистов имел место после первой мировой войны и еще раз — после второй мировой войны³⁰. Земельное ограбление тонга колонизаторами было закреплено актами английского парламента от 1928 г. («О туземных резерватах и коронных землях Северной Родезии») и 1946 г. («О туземных подопечных землях Северной Родезии») ³¹. В итоге тонга потеряли больше земли, чем какой-либо другой народ в Северной Родезии. На отнятых у них землях развилось капиталистическое сельское хозяйство европейцев, основанное на использовании современной техники и дешевого труда коренного населения. В 1958 г. в дистрикте Мазабука была 181 европейская ферма (европейских хозяйств Северной Родезии): на каждую в среднем

²⁶ «Land Holding», стр. 60, 103, 108, 130, 138, 143; «The Ila-Tonga Peoples», стр. 44—

²⁷ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 44—45; «Land Holding», стр. 130—138.

²⁸ «Land Holding», стр. 102, 132.

²⁹ Там же, стр. 115—120, 103, 163; «Marriage and Family», стр. 79—80.

³⁰ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 55; «Marriage and Family», стр. 5—6.

³¹ W. M. H a i l e y, Указ. раб., стр. 705—708.

приходилось 1,65 тыс. га земли, 2 трактора, 20 постоянных работников-африканцев. Четыре пятых ферм специализировались на кукурузе и давали в среднем по 100 т продукции в год. Правильные севообороты при обилии хорошей земли и регулярном удобрении и орошении обеспечивали здесь урожайность кукурузы в 13 ц/га против 5 ц/га в хозяйствах тонга³². Проблемы перенаселения, земельного голода и разрушения природных ресурсов в резерватах тонга остро встали уже в 1930-х годах. Резкое сокращение общей площади удобных земель, оставшихся в распоряжении тонга, выселение в резерваты множества семей из отчужденных районов и последующий рост населения на ограниченной территории резерватов, откуда жителям практически некуда было уходить, означали прежде всего катастрофическое сокращение фонда незанятых удобных земель, служивших резервом для восстановления плодородия почвы. К тому же приводило и расширение площадей под товарными культурами у начавшей выделяться у тонга крестьянской верхушки. Одновременно в резерватах резко возросла нагрузка на почву в результате вытеснения сорго кукурузой, которая стала главной продовольственной и товарной культурой, а мотыги — пилотом. Спасти положение мог лишь немедленный переход всех хозяйств тонга к оседлому земледелию на базе правильных севооборотов и интенсивного удобрения и орошения. Но такой переход не совершился вплоть до настоящего времени, ибо у подавляющего большинства крестьян для этого нет ни необходимых знаний, ни, главное, материальных возможностей³³. При таких условиях традиционная система земледелия пошла по пути деградации, которая приняла форму прогрессирующего удлинения периодов обработки пашен и сокращения периодов их отдыха при возрастающей нагрузке на почву, недостаточном ее удобрении и отсутствии правильных севооборотов. По данным земельной комиссии, в 1945 г. на душу рядового крестьянского населения тонга приходилось, как и до колонизации, в среднем 0,45 га пашни под зерновыми: некоторый излишек продукции для продажи получался в основном за счет замены сорго более урожайной культурой — кукурузой. Однако в том же году 14% крестьян-тонга составляли крупные крестьяне, в хозяйствах которых на душу приходилось 0,86 га пашни под зерновыми, а 1% — крупнейшие крестьяне — «фермеры», для которых соответствующий показатель был 1,15 га. С выделением крестьянской верхушки было связано увеличение общей площади земель под обработкой в 1,5 раза против того, что требовалось бы при старом, натуральном хозяйстве»³⁴.

Таблица 1

Площадь обрабатываемых земель у тонга в 1945 г.³⁵

Категории крестьян	Хозяйств (тыс.)	Крестьян (тыс.)	Средняя площадь пашни на одно хозяйство (га)	Общая площадь пашни (тыс. га)
Рядовые	14,50	92,8	3,28	47,6
Крупные	2,43	20,7	7,65	18,6
«Фермеры»	0,07	1,0	33,23	2,3
Итого	17,00	114,5	—	68,5

³² «Federation of Rhodesia and Nyasaland. Report on Agricultural and Pastoral Production, 1957/58», стр. 20—21.

³³ «Land Holding», стр. 132.

³⁴ Там же, стр. 82, 87, 141.

³⁵ Составлено по данным «Land Holding», стр. 82, 113, 139—141.

В 1945 г. вся обрабатываемая площадь у тонга достигла почти 70 тыс. га, площадь же всех «удобных» земель в резерватах тонга оценивалась в 400 тыс. га³⁶. Соотношение площадей пашен и земель, теоретически могущих служить резервом для восстановления плодородия почвы, равнялось 1 : 6, что было явно недостаточно с точки зрения классической «системы подбора почвы». Фактически же далеко не все «удобные» земли могли быть использованы под пашню, так как в их число входили пастбища, леса, требовавшие раскорчевки, труднодоступные участки, часть безводных земель и т. д. В 1945 г. деревни тонга в массе своей еще продолжали кочевать, но пашни находились под обработкой больше, чем отдыхали, а практика обращения их в залежь исчезла. Продолжительность периодов обработки и пара варьировалась по районам в зависимости не столько от почв, сколько от остроты земельного голода. Земля обрабатывалась под кукурузу столько лет подряд, сколько была в состоянии приносить хоть какой-нибудь урожай, и повторно бралась в обработку, как правило, не успев зарости даже травой, причем севообороты и удобрения применялись редко³⁷. Это была карикатура на традиционное и, одновременно, на современное оседлое земледелие.

Таблица 2

Деграция традиционной системы земледелия у тонга³⁸

Почвы	До колонизации				В 1945 г.			
	весь цикл	обработка	пар	залежь	весь цикл	обработка	пар	залежь
Число лет								
Худшие	25—30	4—5	1—3	20	6—8	5	1—3	—
Средние }	16—33	5—15	1—3	10—15	6—13	5—10	1—3	—
Лучшие }					11—23	10—20	1—3	—

Севообороты современного типа (например, кукуруза — коровий गो — кукуруза — кукуруза — сорго — пар) в 1945 г. встречались лишь у тонга-«фермеров» и у единиц из крестьян других категорий. Более того, в отношении использования дополнительных культур у большинства тонга имел место явный регресс по сравнению с XIX в. Рядовой крестьянин отводил под кукурузу и сорго 90% своей пашни, в том числе под одну кукурузу — 80%³⁹. В условиях, в которые он был поставлен, он не мог действовать иначе, чтобы просуществовать и поддерживать простое воспроизводство в своем хозяйстве; он не мог ни сократить производство кукурузы, на которой держались и натуральная денежная часть его бюджета, ни расширить запашку так, чтобы изменить соотношение площадей в пользу дополнительных культур. Систематическое удобрение пашен навозом в 1945 г. практиковали только тонга-«фермеры», половина крупных и 10% рядовых крестьян, у коровы имелись у 72% хозяев: 57% хозяев имели в среднем по 10 коров, 14% — по 30 и 1% — по 50⁴⁰. Поголовье крупного рогатого скота у тонга оценивалось в 1945 г. в 170 тыс.: на 1 га пашни приходилось в среднем по 2,5 голов скота. Имевшегося у тонга скота было далеко не достаточно, чтобы обеспечить пашни нужным количеством навоза. Даже «фермеры» вывозили на 1 га своих пашен более 12 т удобрения в год, тогда как они требовали 25 т в год. Навоз приобрел ценность, превращаясь в собственность тех, кто рас-

³⁶ «Land Holding», стр. 113.³⁷ Там же, стр. 123, 130—131.³⁸ Составлено по данным «Land Holding», стр. 130—131.³⁹ «Land Holding», стр. 2, 141.⁴⁰ Там же, стр. 155—157.

поряжался краалями, в предмет купли-продажи. В 1945 г. 97% рядовых крестьян не имели телег, нужных для вывоза удобрений на поля, а 60% — даже традиционных саней с полозьями и обученных для работы быков. Если скота было мало, чтобы обеспечить поля удобрением, то его было «много» по отношению к оставшейся площади пастбищ. Катастрофическое вытеснение пастбищ пашней и перегрузка оставшихся пастбищ составляли еще одну сторону деградации традиционной системы земледелия. Еще до войны администрация вынуждена была установить для каждого округа минимальную площадь пастбищных угодий. Перегрузка выделенных пастбищ вела к вырождению их травяного покрова, а перегрузка скотом пашен под паром мешала их регенерации и вела к падению урожайности. Комиссия 1945 г., констатировала, что в половине округов тонга пригодные под выпас земли были перегружены скотом по крайней мере вдвое, и рекомендовала прибегнуть к излюбленному у колонизаторов средству: принудительному сокращению поголовья африканского скота⁴¹.

Положение с сельскохозяйственными орудиями у тонга после 40 лет колониального режима было плачевным. Необходимые для борьбы с сорняками культиваторы имела лишь половина крупных и 17% рядовых крестьян, бороны — 14% крупных крестьян, дисковые и двухотвальные плуги, сеялки и молотилки — только «фермеры». Единственным европейским орудием, прочно вошедшим в жизнь тонга, был плуг простейшей конструкции. В 1945 г. плуги имели все «фермеры» (2—6 на хозяйство) и крупные крестьяне (1—2 на хозяйство); 40% рядовых крестьян не имели никаких орудий. Широко распространенным у тонга был найм плугов и рабочего скота у родни и соседей. В период пахоты каждый плуг выдерживал поистине чудовищную нагрузку: его эксплуатировали несколько месяцев без перерыва, перебрасывая с участка на участок. Вдобавок плуги с поднятыми лемехами использовались как культиваторы. В итоге плуги быстро изнашивались, и значительная часть их всегда бездействовала, а сроки пахоты выходили за всякие естественные границы, что еще более способствовало разрушению почв и падению урожайности культур⁴².

* * *

Переходя к вопросу о превращении натурального хозяйства у тонга в товарное, мы должны остановиться на роли денежных налогов. Денежное налогообложение колонизаторами крестьян-африканцев, которые вели натуральное хозяйство, ставило целью насильственно вовлечь их в сферу капиталистической эксплуатации: побочной целью было переложить на колонизованное население максимум издержек колониального режима. С годами ставки «туземных налогов» неуклонно повышались: так, мужчина-тонга в 1938 г. платил 6 шиллингов в год, в 1943 г. — 10, в 1956 г. — 15 шиллингов. Помимо этого, тонга платили налоги на школу и церковь, а со времени войны — и налог в пользу «туземных властей» (от 2 до 10 шиллингов)⁴³. У крестьянина оставалось два пути: отходничество или продажа сельскохозяйственных продуктов. Из народов Северной Родезии по пути отходничества пошли бемба, по пути сочетания отходничества с продажей сельскохозяйственных продуктов при преобладании отходничества — баротсе, нгони-чева и только тонга пошли по пути продажи продуктов. При

⁴¹ «Land Holding», стр. 121—124, 129, 133, 155—157; 174; «Human Problems in British Central Africa». 1951, XI, стр. 10—46.

⁴² «Land Holding», стр. 155—157.

⁴³ «Great Britain. Colonial Office. Reports on Northern Rhodesia for the Years 1954—1957».

чинами были: наличие у тонга относительно высокой традиционной сельскохозяйственной культуры, приспособленность их страны для зернового земледелия и ее близость к пунктам сбыта. Скупка отдельными торговцами сельскохозяйственных продуктов у тонга практиковалась еще в период первой мировой войны, однако до середины 1920-х гг. массового рынка сбыта для тонга не существовало. Северная Родезия была «третьестепенной» аграрной колонией, промышленность и города которой находились в зачаточном состоянии. Предметами экспорта служили табак и немногие другие продукты, которые производили фермы колонистов. В тот период тонга составляли заметную часть отходовников на предприятиях колонизаторов в обеих Родезиях⁴⁴.

Поворотным пунктом в колониальной истории Северной Родезии явилось начало массовой эксплуатации рудников Коппербельта («Медного пояса») в 1926 г. К началу войны страна уже занимала на мировом капиталистическом рынке видное место как поставщик меди, кобальта, полиметаллов. Выросли промышленные центры — Нкана, Муфулира, Брокен-Хилл и другие. Число работающих по найму африканцев возросло до 100 тыс., местное европейское население — до 14 тыс. В качестве основного продукта питания африканцев-рабочих быстро выделилась кукуруза, которая одновременно стала главной питательной культурой на фермах колонистов: ее потребление в Северной Родезии достигло в 1939 г. 29 тыс. т, в 1945 г. — 44, в 1950 г. — 65, в 1957 г. — 127 тыс. т. Вырос также спрос на мясо, арахис, яйца и другие продукты питания для африканцев и колонистов. Местные европейские хозяйства оказались не в состоянии покрыть потребности экономики страны в продовольствии: к тому же европейские фермеры, где возможно, переключались на производство табака, как самой доходной из культур. Товарное производство кукурузы в европейских хозяйствах Северной Родезии составляло в среднем за год: в 1941—1945 гг. — 16 тыс. т, в 1946—1950 гг. — 28, в 1951—1955 гг. — 48, в 1956—1957 гг. — 88 тыс. т. Импорт продовольствия был невыгоден, а во время войны, когда он сократился, колония испытывала острый недостаток зерна⁴⁵. В таких условиях колонизаторы не только не могли остановить переключение хозяйств тонга на товарное производство продовольствия, но и сами встали на путь его форсирования. Еще до войны закупку почти всего продовольствия у африканцев сосредоточила у себя администрация, для которой открылась возможность дополнительной эксплуатации африканских крестьян через систему дискриминационных закупочных цен. Тонга, желавший продать кукурузу вне резерватов, мог сдать ее только на правительственный закупочный пункт. По официальным данным, в 1956 г. за мешок кукурузы 90,6 кг европеец получал 2 фунта стерлингов, а тонга — 1,5 фунта стерлингов: при этом лицемерно пояснялось, что за счет разницы возмещаются расходы на содержание закупочных пунктов и производятся вложения в «Фонд улучшения африканского земледелия»⁴⁶. Приняв почти всю кукурузу от африканцев, как третьесортную, правительственные органы затем пересортировывали ее и продавали частным предпринимателям. Прибыли частично распределялись между европейскими фермерами в виде разных «премий». Несмотря на невыгодные условия, в которые ставился африканец, как производитель товарной продукции, после появления массового рынка сбыта тонга быстро специализировались на производстве товарной кукурузы, а отходничество

⁴⁴ «The Ila-Tonga Peoples», стр. 44; «Marriage and Family», стр. 66—70.

⁴⁵ «Yearbook and Guide of Rhodesia and Nyasaland, 1948—49», стр. 483—486; «Great Britain. Colonial Office. Report on Northern Rhodesia for the Year 1950», стр. 31; 1957, стр. 24.

⁴⁶ «Northern Rhodesia. Department of Agriculture. Annual Report for the Year 1956», Lusaka, 1957, стр. 2.

у них пошло на убыль. В 1935 г. в деревнях тонга постоянно отсутствовало 25% трудоспособных мужчин, в то время как в деревнях бемба баротсе и нгони — 60%. К концу войны выросло число тонга, работающих по найму в резерватах — у разбогатевших соплеменников, при миссиях и т. д., тогда как отходники в «европейские районы» составляли всего 2% трудоспособных мужчин⁴⁷.

Таблица 3

Структура денежных доходов крестьян-тонга в 1945 г.⁴⁸

Средний денежный доход семьи (фунты стерлингов, шиллинги, пенсы)	Рядовые	Крупные	«Фермеры»
	5. 2. 10	24. 7. 1.	302. 13. 2
Продажа зерна	39%	72%	80%
Продажа скота, птицы, яиц	33%	18%	8%
Сдача в наем скота и орудий	—	1%	1%
Потребление из сбережений	—	—	5%
Помощь родственникам	5%	—	—
Денежные заработки	22%	—	—
Прочие поступления	1%	9%	6%

В 1945 г. работа по найму как вне, так и внутри резерватов приносила рядовым тонга $\frac{1}{5}$ денежных доходов, а для крестьянской верхушки вообще утратила всякий смысл. Продажа сельскохозяйственной продукции давала 72% денежных доходов рядовым тонга, а богатым крестьянам — еще больше, и это было закономерно, ибо кулаки у тонга выделились именно как производители товарного зерна.

Таблица 4

Товарное производство кукурузы в стране тонга в 1945 г.⁴⁹

Категории крестьян	Число хозяйств	Процент хозяйств	Продажа на одно хозяйство, т	В среднем продано одним хозяйством, т	Всего продано кукурузы (т)	% проданной кукурузы
Рядовые	5405	31,8	—	—	—	—
Рядовые	9095	53,5	0,1—1	0,4	3296	35
Крупные	2431	14,3	1—10	2,1	5065	51
«Фермеры»	69	0,4	10—60	20,4	1407	14
Итого	17 000	100,0	—	—	9668	100

К 1945 г. натуральное хозяйство в деревне тонга было уже в основном вытеснено мелкотоварным. Хозяйства тонга производили четверть всей товарной кукурузы в Северной Родезии и 52% товарной кукурузы которую производили африканские хозяйства колонии: остальное приходилось на соседние районы «железнодорожного пояса», населенные родственными тонга народами. Из 9,7 тыс. т кукурузы, сданных тонга на закупочные пункты, 35% приходилось на хозяйства рядовых крестьян и 65% — на долю крупных крестьян и «фермеров». 5,5 тыс. хозяйств рядовых крестьян в 1945 г. совсем не продали кукурузы. Однако хозяйства, не дававшие товарного выхода в один сезон, могли дать его в следующий, и наоборот. Резкие сезонные колебания товарного выхода продукции вообще характерны для африканских крестьянских хозяйств: так, по сравнению с урожайным 1948 г. в неурожайный 1949 г. товарное производство зерна в резерватах тонга упало более чем в пять раз, а на соседних фермах европейцев — лишь на 17%.

⁴⁷ «Land Holding», стр. 160, 162, 28.⁴⁸ Там же, стр. 166.⁴⁹ Составлено по данным «Land Holding», стр. 83—86.⁵⁰ «Land Holding», стр. 84; «Yearbook and Guide of Rhodesia and Nyasaland, 1948—49», стр. 483—486; «Great Britain. Colonial Office. Report on Northern Rhodesia for the Year 1952», стр. 27.

Но, несмотря на годовичные колебания, товарное производство зерна в стране тонга неуклонно росло, как об этом позволяет судить следующая таблица.

Таблица 5

Рост товарного производства кукурузы в Северной Родезии⁵¹
(среднегодовые показатели, тыс. т)

	1941— 1945	1946— 1950	1951— 1955	1956— 1957
Вся Северная Родезия	25,1	45,1	95,6	176,3
в том числе: европейские хозяйства «железнодорожного пояса»	16,2	27,8	50,0	93,8
африканские хозяйства «железнодорожного пояса»	8,9	17,3	37,2	70,8
Восточная провинция	—	—	8,4	11,7

* *

*

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал, что превращение натурального крестьянского хозяйства в товарное неизбежно сопровождается расслоением крестьянства и образованием новых типов сельского населения — буржуазии и пролетариата⁵². На материале тонга видно, что здесь разные категории крестьян различались по размерам хозяйств и способам хозяйствования, по обеспеченности скотом, орудиями, удобрениями, по структуре бюджетов и по месту в товарном производстве. Расслоение крестьян отмечалось комиссией 1945 г. как одна из «проблем» страны тонга, однако члены комиссии предпочли подразделить тонга не на бедняков, середняков и кулаков, а создать впечатление, будто на общем фоне «среднего» крестьянства выделяются две зажиточные категории — крупные крестьяне и «фермеры», и что вся масса крестьянства, таким образом, богатеет. В действительности именно при колониальном режиме среди рядовых тонга возник значительный слой «не сводящих концы с концами» в своих хозяйствах и могущих быть названными «скрытыми деревенскими пролетариями». Однако нужно учесть, что в созданных колонизаторами условиях (система резерватов и «европейских районов»), ограниченные возможности для африканца жить работой по найму) дифференциация крестьянства не могла дойти до логического конца: бедняку-тонга было так же трудно превратиться в полностью безземельного пролетария, как кулаку-тонга — превратиться в настоящего фермера-капиталиста. Тонга оказывался буквально прикован к земле в резервате.

Развитие товарного производства зерна явилось главным фактором, вызвавшим расслоение крестьян-тонга. Размеры товарного выхода зерна мы приняли как главный критерий, позволяющий отнести хозяйство крестьянина к той или иной имущественной категории. Чтобы выявить условия, которые определяли способность хозяйства давать товарный выход, приведем следующую таблицу.

⁵¹ «Great Britain. Colonial Office. Report on Northern Rhodesia for the Year 1952», т. 27; 1957, стр. 24; «Yearbook and Guide of Rhodesia and Nyasaland, 1948—49», т. 483—486.

⁵² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 140—154.

Таблица 3

Условия, определяющие товарный выход зерна в хозяйствах тонга (средние данные за 1945 г.)⁵³

	Категории крестьян		
	рядовые	крупные	«фермеры»
Потреблялось зерна одним едоком в год, кг	180	180	180
Среднее число едоков в хозяйстве	6,4	8,5	13,7
Потреблялось зерна в хозяйстве в год, т	1,15	1,53	2,48
Производилось зерна в хозяйстве в год, т	1,38	3,63	22,88
Продавалось зерна хозяйством в год, т	0,23	2,10	20,40
Площадь запашки в хозяйстве, га	3,28	7,65	33,20
в том числе под зерновыми, га	2,84	7,26	29,50
Урожайность зерновых, ц/га, в ц	4,9	5,0	6,9
Площадь под зерновыми на одного едока, га	0,44	0,85	2,42

В 1945 г. тонга оставляли для собственного потребления около 180 кг зерна на едока в год: излишек продавался, а если зерна не хватало, его зарабатывали, занимали, выпрашивали, редко — прикупали. Питание зажиточного крестьянина отличалось не столько количеством потребляемого зерна, сколько количеством «дополнительных» продуктов. Однако до 35% крестьян оставляли для себя после продажи товарной кукурузы менее чем по 180 кг на едока в год. «Часто даже тогда, когда всего произведенного зерна не хватает на питание семьи, несколько мешков все же продается, чтобы добыть деньги для выплаты налогов», — сообщается в отчете комиссии 1945 г. Если учесть, что 1 ц кукурузы стоил 10 шиллингов, а рядовая семья тонга тратила на покупку продовольствия 3 шиллинга в год⁵⁴, легко понять, что 35% крестьян фактически недоедали. Основными условиями, определявшими способность хозяйства давать товарный выход зерна, были площадь запашки на одного члена семьи и урожайность. Чтобы поднять товарный выход тонга должен был приобрести и обрабатывать дополнительную земельную площадь и поднять урожайность при помощи севооборотов, удобрения, орошения, культивации. Немногие, кому это удавалось, выбивались в ряды крестьянской верхушки.

Как удавалось кулакам-тонга приобретать дополнительную земельную площадь? За 50 с лишним лет колониального режима в стране тонга не было введено законов, существенно меняющих порядок приобретения и держания земли в деревне, однако на практике приобретение участка стало значительно сложнее. Свободной земли стало мало. Земля приобрела новую ценность в связи с производством товарных культур. Для занятия участка стали требоваться санкции целого ряда властей. Земля теперь регулярно наследуется и редко забрасывается, а, будучи заброшена, быстро осваивается соседями или родственниками. Купля-продажа земли еще не вошла в обычай, однако в жизни такие сделки совершаются уже нередко в форме продажи сделанных на земле улучшений. Зарождается и денежная аренда земли в форме сдачи участков в наем за различные виды «помощи» и компенсации. По данным комиссии 1945 г., кулаки-тонга приобрели часть своих земель у родни другую — в результате невыясненных сделок с вождями и индустриальную третью — при содействии комиссаров дистрикта, наконец, четвертую самую большую, — сумев с помощью наемного труда и затрат капитала взять в обработку участки, недоступные для рядового крестьянина, и пример земли, нуждающиеся в обводнении, раскорчевке, и т. п.⁵⁵ Ч

⁵³ Составлено по данным «Land Holding», стр. 82, 139—141.

⁵⁴ «Land Holding», стр. 138—139, 170.

⁵⁵ Там же, стр. 92—112; «Journal of African Administration», 1959, октябрь, стр. 176—178.

бы поднять и обрабатывать увеличенную земельную площадь, требовалась рабочая сила. В. И. Ленин отмечал: «...наиболее состоятельное крестьянство наилучше обеспечено и семейными рабочими. Семейная кооперация и здесь является базисом капиталистической кооперации», и далее: «...везде состав семей у зажиточного крестьянства оказывается выше, а у несостоятельного — ниже среднего»⁵⁶. В 1945 г. семья рядового тонга насчитывала 6—7 человек, крупного крестьянина — 8—9, «фермера» — 13—14. Под покровом патриархальных отношений кулак эксплуатировал не только членов семьи, но и родственников, живших по соседству. За пользование колодцами, орудиями, телегами, быками богатые тонга систематически получали «помощь» работой от односельчан. Многие кулаки уходили в «чужие» округа, чтобы отделаться от традиционных обязанностей помощи родичам, осваивали там «неудобные» земли, а затем допускали в свои деревни избранных из родственников и бывших соседей, которые за это регулярно «помогали» им трудом⁵⁷.

В качестве характерного признака сельской буржуазии В. И. Ленин выделял наем за деньги поденщиков и особенно батраков⁵⁸. В стране тонга в 1945 г. половина крупных крестьян ежегодно нанимала сезонных рабочих для уборки и молотбы, а также для расчистки новых земель. Все «фермеры» держали кроме поденщиков от одного до десяти постоянных работников и расходовали на наем рабочей силы около 10% денежного бюджета⁵⁹. Чтобы нанимать рабочих, расширять хозяйство, применять удобрения, улучшенные методы обработки земли и орудия, нужны были деньги. Уже в 1945 г. вложения отдельных кулаков тонга в хозяйство достигали внушительных размеров. Так, Натан Канунда за 14 лет вложил в хозяйство 1638 фунтов стерлингов, в том числе 930 — для найма рабочих, 417 — на приобретение скота и орудий, 64 — на средства транспорта. «Фермер» Самуэль Цилумби вложил в хозяйство 906 фунтов стерлингов за 7 лет, Рубен Миоба — 627 фунтов стерлингов за 9 лет, и т. д.⁶⁰. В 1959 г. кулаки-тонга нередко применяли у себя тракторы, паровые молотилки и грузовики⁶¹.

В довоенные и военные годы, когда генезис капиталистических элементов у тонга был еще на ранней стадии, некоторые кулаки начинали «дело» с первоначальным капиталом, нажитым вне сферы сельскохозяйственного производства, например на службе у колонизаторов в качестве учителей, священников, чиновников (но не вождей и не старшин: эти представители «элиты» тонга плелись в хвосте капиталистического прогресса). Но как бы ни был нажит первоначальный капитал, кулацкое хозяйство, сформировавшись как таковое, развивалось по принципу расширенного воспроизводства, богатая за счет эксплуатации чужого труда и продажи товарной продукции. Денежные сбережения на производственные нужды составляли в 1945 г. 2% в бюджете крупных крестьян и 23% в бюджете «фермеров», прочие производительные расходы — соответственно 32% и 44%, тогда как в бюджете рядовых тонга производственные расходы и сбережения вместе составляли лишь 16% бюджета⁶². По данным Э. Кольсон, в начале 1950-х годов для многих кулков-тонга первоначальным или дополнительным источником средств служило содержание лавок и «чайных»⁶³. В 1950-е годы колонизаторы начали регулярно, хотя и в ограниченных масштабах, снабжать крестьянскую буржуазию тонга в кредит деньгами и средствами.

⁵⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 81, 107.

⁵⁷ «Land Holding», стр. 82, 39, 71, 69, 153.

⁵⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 81—82.

⁵⁹ «Land Holding», стр. 159—160, 170.

⁶⁰ Там же, стр. 175.

⁶¹ «Journal of African Administration», 1960, январь, стр. 3—10.

⁶² «Land Holding», стр. 152—153, 109, 39—40, 80—81, 170.

⁶³ «Marriage and Family», стр. 81—84.

производства. В 1956 г. из «Фонда улучшения африканского земледелия» по Южной провинции на премии «прогрессивным фермерам-африканцам» было истрачено 35 тыс. фунтов стерлингов и на ссуды и субсидии им же — 21 тыс. фунтов стерлингов⁶⁴.

Расширяясь и накапливая, хозяйства кулаков-тонга с годами могли бы вырасти до размеров ферм колонистов; однако это не входит в расчеты колонизаторов. Одной рукой помогая африканской сельской буржуазии и пытаясь опереться на нее в деревне, колониальные власти другой рукой тормозят ее рост, не давая ей перерасти в серьезную экономическую и политическую силу в колонии, которая рассматривается ими как «страна белого человека». Большим вопросом для зажиточных крестьян-тонга всегда был вопрос о наследовании. Какое бы крупное и «современное» хозяйство ни создал тонга при жизни, после его смерти является традиционная группа родичей по женской линии, назначает наследника и делит между собою часть имущества. Если и удастся целиком передать землю и деньги сыну, то скот, орудия и запасы, как правило, делятся среди членов «башимукова». Это серьезно подрывает позиции кулаков-тонга, тормозит генезис капиталистических элементов. В послевоенные годы представители кулачества не раз просили власти отменить устаревший порядок наследования или хотя бы разрешить «избранным» хозяевам передавать имущество по завещанию. Но колонизаторы остались неумолимы, лицемерно ссылаясь на необходимость «уважать» туземные обычаи⁶⁵. Почти столь же безуспешны остались ходатайства «фермеров»-тонга о предоставлении им возможности арендовать или приобретать землю в собственность. В 1957 г. близ городов Ливингстон, Брокен-Хилл и Лусака в аренду африканцам сдавалось несколько сот участков от 2 до 8 га, но к подавляющему большинству этих участков «фермеры»-тонга не имели отношения⁶⁶. Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве тонга продолжает разворачиваться на тесном пространстве перенаселенных резерватов, на фоне нищеты и деградации в огромном большинстве хозяйств.

* *

*

До колонизации тонга практиковали прогрессивную разновидность переложного земледелия в сочетании со скотоводством. Общеплеменной организации они не имели. Территориальной единицей была деревня экономической — семья. Важное значение сохранял род. Первобытнообщинный строй разлагался. Имелись некоторые зачатки имущественного неравенства и индивидуального землевладения. Хозяйственное и социальное развитие народа тормозилось набегами соседей.

Колонизаторы оставили в неприкосновенности все отсталое в обществе тонга, в частности пережитки родового строя. Одновременно они навязали народу чуждую ему иерархию «туземных властей». Позиции последних в стране тонга остаются слабыми.

При колониальном режиме тонга подверглись жесточайшему земельному ограблению, потеряли треть территории и все лучшие земли, были загнаны в резерваты. Следствиями явились перенаселение, земельный голод, деградация традиционной системы земледелия и разрушение природных ресурсов в стране тонга. На отчужденных землях развилось экстенсивное хозяйство колонистов.

⁶⁴ «Northern Rhodesia. Department of Agriculture. Annual Report for the Year 1956» стр. 8.

⁶⁵ «Land Holding», стр. 4, 101, 150, 45; «Journal of African Administration», 1961 январь, стр. 3—10; «Marriage and Family», стр. 13.

⁶⁶ W. M. Hailey, Указ. раб. стр. 781—782

Денежное налогообложение содействовало ускоренному вовлечению тонга в орбиту капиталистической эксплуатации. Со времени появления массового рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов (середина 1920-х годов) тонга быстро переключились с отходничества на производство товарного зерна, что сопровождалось усилением деградации традиционной системы земледелия и расслоением крестьянства. В настоящее время тонга занимают важнейшее место как производители товарного зерна в Северной Родезии.

Изменения в хозяйстве сопровождались важными сдвигами в обществе тонга. Весь народ оказался вовлечен в товарное хозяйство, в сферу товарно-денежных отношений. Произошли новые существенные сдвиги по пути превращения земли в индивидуальное владение. Широкое распространение получила работа по найму африканцев у африканцев. Выделилась крестьянская буржуазия. Колониальные власти предприняли ряд мер, чтобы форсировать товарное производство продовольствия в стране тонга, а местную крестьянскую буржуазию превратить в свою опору. Одновременно колонизаторы стремятся удержать рост крестьянской верхушки тонга в определенных границах, чтобы не дать ей перерасти в серьезную силу в колонии.

SUMMARY

Examined in the article are the changes in agricultural production and agrarian relations among the Tonga people that occurred during the fifty years of British colonial rule in Northern Rhodesia. Ruthless dispossession of land resulted in overpopulation, the sapping of natural resources and the degradation of the traditional system of agriculture among the Tonga. At the same time the Tonga people found themselves drawn into the sphere of capitalist production, of commodity and money relations. This was largely promoted by high money taxes levied by the colonialists on the peasants. The emergence in Northern Rhodesia of a market for agricultural produce led to the mass-scale switching of Tonga holdings to production of grain for the market. The conversion of the subsistence economy of the Tonga village into a commodity economy was accompanied by intensified degradation of the traditional system of agriculture, the development of private land-holding, the differentiation of the peasants and the emergence from their midst of capitalistic elements.

The changes in Tonga economy and society are a clear manifestation of the laws guiding the development of capitalism in the agrarian countries and of the policy of colonialists who seek in every way to consolidate and prolong their rule.
